

Ли Хао принял меч, его мысли быстро проносились в голове.

Теперь он не хотел намеренно что-либо скрывать, а взвешивал все за и против.

Демонстрация своего фехтования, раскрытие своего таланта, безусловно, ослепит толпу.

Даже не раскрывая свою культивацию тела, используя только обычное детское тело для владения мечом, хотя он и не мог продемонстрировать технику Меча Прилива на пике, с помощью лишь намёка на её суть и острого глаза Святого Меча на фехтование, его потенциал в искусстве меча должен быть узнаваем.

Имея Святого Меча в качестве наставника, он, естественно, не беспокоился о том, что другие позарятся на его навыки.

Однако стать учеником означало последовать за другим в южную Хижину Меча для культивации.

Это место было святыней для мечников, но его общее наследие не могло сравниться с глубиной особняка Божественного Генерала или богатством Башни Слушания Дождя.

И ему нужно было улучшать своё фехтование с помощью Дао Шахмат и других искусств. Учитывая строгий и серьёзный характер Святого Меча, он, скорее всего, будет чрезвычайно строгим и может не потерпеть его «отвлечений».

Или, возможно, став его учеником, он сможет договориться с ним и остаться в особняке Божественного Генерала, чтобы тот учил его?

Но особняк Божественного Генерала не мог позволить себе, чтобы иностранный эксперт, сравнимый с поколением семьи Ли, долгое время оставался на его территории... И сам этот человек мог не согласиться.

«Забудьте, ему не нужно выступать».

В этот момент раздался голос Цзянь Удао с оттенком недовольства.

Ли Хао, который обдумывал свои варианты, был ошеломлён, услышав это, и посмотрел на него.

Хэ Цзяньлань, очнувшись, поспешно сказала: «Святой Меча, почему так?»

«В его глазах нет меча, он не любит меч. В таком юном возрасте его мысли рассеяны, и у него нет задатков для тренировок с мечом».

Выражение лица Цзянь Удао снова стало равнодушным. Если бы не обстановка в особняке Божественного Генерала, он бы уже развернулся и ушёл, не утруждая себя дальнейшими объяснениями.

«Святой Меча, ребёнок, должно быть, нервничает внутри, почему бы не дать ему шанс продемонстрировать...» - поспешно добавил Ли Фу сзади, так как это была возможность, выпадающая раз в жизни, слишком большая потеря, чтобы упустить её.

Но прежде чем он успел закончить, другой взглянул на него.

Этот острый, как меч, равнодушный взгляд заставил Ли Фу почувствовать холодок в горле, как будто его жизнь разрезают на части, и он невольно замолчал.

«Святой Меча, Хао Эр с детства был защищён в особняке, мало что видел в мире и не мог практиковать боевые искусства. Естественно, он мало обращался с мечами, поэтому для него нормально не иметь к ним склонности», - сказала Хэ Цзяньлань, нахмутив свои величественные брови.

Однако Цзянь Удао не стал обращаться с Хэ Цзяньлань так, как он обращался с Ли Фу, ведь она всё-таки была нынешней мадам особняка Божественного Генерала и главной; он взглянул на неё и слегка покачал головой:

«Мадам, я понимаю ваши соображения, но вы не владеете мечом, вы не понимаете фехтование. Если речь идёт только о достижении общего стандарта или о том, чтобы стать высококлассным экспертом в мирском мире, то под моим руководством это было бы осуществимо».

«Но стремиться достичь вершины, соответствовать минимальным стандартам моей Хижины Меча, это недостижимо».

«В тренировках с мечом я смотрю только на две вещи: талант к фехтованию и чувство меча».

«Хороший талант, но нет чувства меча, можно достичь только второсортного стандарта».

«Любовь к самому мечу, даже при среднем понимании, однажды, когда суть меча будет постигнута, может привести в ряды первоклассных!»

На этот раз необычайно многословный Цзянь Удао высказался предельно ясно.

Он посмотрел на Бянь Жуксюэ и сказал Хэ Цзяньлань: «Когда эта юная девушка подошла, держа меч, я увидел в её глазах меч, её любовь к нему. Из тысячи видов оружия она с первого взгляда заметит меч!»

«С этим, даже если её талант меньше, по мере того, как она продолжает практиковать фехтование, культивируя суть меча, её будущие достижения будут велики, не говоря уже о её превосходном таланте».

Сказав это, он повернулся к Ли Хао: «У этого мальчика, однако, нет ни малейшего намёка на меч в глазах. Даже когда он взял меч, не было никаких эмоций. Каким бы ни был его талант, это уже не важно».

«Он не подходит для пути фехтования!»

Он дал свою окончательную оценку.

После этих слов Хэ Цзяньлань полностью замолчала.

Во дворе воцарилась тишина.

Хэ Цзяньлань хотела что-то сказать, но, видя решительный взгляд в глазах другого, она знала, что дальнейшие уговоры бесполезны, если только они не обратятся к старейшинам клана, что было бы слишком унижительно для статуса семьи Ли.

Она посмотрела на Ли Хао сложным взглядом и вздохнула про себя.

Она слишком хорошо знала, что этот ребёнок был диким по натуре, часто предавался играм в шахматы со слугами во дворе; такие незначительные навыки были не более чем игрушками в благополучные времена.

Но в отсутствие Ли Тянь Гана и его жены она не могла наказывать его слишком строго. После того, как она несколько раз отругала его, но он не обратил на это внимания, и ребёнок тайком привлёк слуг, чтобы они составляли ему компанию, она была в тупике.

Неужели всё это было просто судьбой?

Пока Хэ Цзяньлань молчала, Цзянь Удао, высказав свою точку зрения, больше не обращал внимания на то, что думают другие. Он был достаточно откровенен; если бы семья Ли настояла на том, чтобы навязать ему ребёнка, он не стал бы церемониться.

В этот момент, глядя на маленькую девочку рядом с собой, он не мог скрыть нежности в своих глазах, холодность на его лице немного растаяла, и он с улыбкой сказал: «Маленькая девочка, как тебя зовут?»

«Бянь Жуксюэ».

Честно ответила маленькая девочка.

Затем, глядя на Ли Хао, она сказала старику: «Ты можешь позволить брату Хао немного продемонстрировать свои способности? Брат Хао очень умный, намного умнее Сюээр».

Цзянь Удао слабо улыбнулся. Что толку быть умным? Разве все эти учёные и литераторы при императорском дворе не умны?

Более того, он уже заметил сложные мысли, таящиеся в глазах Ли Хао, тяжёлые размышления внутри. В таком юном возрасте его нечистое сердце сделает ещё более трудным заложить прочный фундамент на начальном этапе тренировок с мечом, что приведёт к отвлечению и задержке.

Вот почему некоторые развитые дети в конце концов теряются в толпе, в то время как некоторые незаметные и молчаливые могут стать великими личностями в более позднем возрасте.

Цзянь Удао не нравилась фраза «поздно расцветший», для него это было невежество мирских людей, которые не могли разглядеть защитную оболочку истинного таланта.

Сосредоточенность и преданность делу - вот качества гения.

Некоторых, казалось бы, умных детей, которые немного знают обо всём и могут вставить слово в разговор взрослых, вызывая смех и похвалу за свой ум, именно этого следует избегать на пути культивации.

Твёрдый и устойчивый, с искрой Духа, вот лучший росток.

«Сюээр, пойдём со мной культивировать в горы», - мягко сказал Цзянь Удао.

«Тогда ты возьмёшь с собой брата Хао?» - спросила Бянь Жуксюэ, подняв глаза.

«Только тебя».

«Тогда я не пойду».

Тут же сказала Бянь Жуксюэ, отступая назад, как будто боясь, что он силой уведёт её, прижавшись к Ли Хао и обняв его за руку: «Я хочу быть с братом Хао, я никуда больше не

пойду».

Лицо Цзянь Удао слегка изменилось, и он нахмурился.

Однако Бянь Жуксюэ, несмотря на свой исключительный талант, всё-таки была ещё ребёнком, и он не рассердился, а повернул голову к Хэ Цзяньлань и сказал: «Мадам, я забираю Сюээр с собой. Когда её культивация принесёт плоды, я позволю ей вернуться. Конечно, может пройти не так много лет, прежде чем вы услышите о её славе снаружи».

Он говорил с уверенностью, потому что в тот момент, когда он объявит об этом, многие люди в мире сразу же узнают имя «Бянь Жуксюэ».

Новая протекже Святого Меча Цзянь Удао, одного этого титула было достаточно, чтобы она прославилась на всю провинцию!

Хэ Цзяньлань слегка кивнула, естественно, не находя причин возражать против слов Цзянь Удао.

Ли Хао уже пришёл в себя, его губы слегка дёрнулись, всё было в порядке, он сделал свой выбор сам, избавив его от необходимости размышлять.

«Брат Хао, я не пойду».

Бянь Жуксюэ крепко сжала руку Ли Хао, её глаза покраснели, и в её голосе послышался страх.

Ли Хао тоже не хотел, чтобы маленькая девочка уходила, но понимал, что это её шанс.

Оставаясь в особняке Божественного Генерала, она могла бы культивировать, но всё остальное ограничивалось тем, что было вокруг неё.

Будучи ученицей Святого Меча, одно только наставничество было важной связью, и она могла познать гораздо более широкий мир снаружи.

Из эгоизма он хотел оставить маленькую девочку, наличие такого хвостика рядом заставляло его чувствовать себя в безопасности и счастливым.

Но, учитывая благополучие Бянь Жуксюэ, он решил пока отпустить её, мягко сказав: «Сюээр, будь послушной. Иди культивируй с этим старым мастером, и как только ты чего-нибудь добьёшься в своей культивации, ты сможешь вернуться, чтобы увидеть меня. Тогда я угощу тебя чем-нибудь вкусненьким».

«Я не пойду, я не хочу культивировать, я больше не буду практиковать меч, я ненавижу меч!» - Бянь Жуксюэ вдруг расплакалась.

Брови Цзянь Удао нахмурились, он понял, что недооценил привязанность маленькой девочки к мальчику.

В конце концов, говорили, что они были возлюбленными детства, которые выросли вместе.

Он подумал, что если это действительно не сработает, то можно взять и Ли Хао. С талантом девушки, даже с бесполезным аксессуаром, она всё ещё стояла того, чтобы за неё бороться.

«Будь умницей, ты уже большая девочка, ты не можешь всё время плакать», - Ли Хао вытер её нос рукавом и мягко успокоил её, чувствуя щемящую боль в сердце и нежелание отпускать.

Взрослые во дворе молча наблюдали, как один ребёнок утешает другого.

У многих в глазах был сложный взгляд, ревность и зависть смешались. Дети оставались детьми, не осознавая своей удачи. Они тоже хотели, чтобы их собственные дети могли попасть в Павильон Меча - на их месте матери давно бы выгнали этих детей за дверь, чтобы они попробовали, каково это - получить материнский пинок. В конце концов, Ли Хао удалось успокоить маленькую девочку.

Бянь Жуксюэ со слезами на глазах сказала: «Тогда мы договорились, брат Хао. Ты должен ждать, пока я вернусь, прямо здесь, и никуда не уходить».

«Угу», - ответил Ли Хао, кивнув и улыбнувшись, коснувшись её лба.

Лицо Цзянь Удао тоже расслабилось, его взгляд на Ли Хао даже немного смягчился.

Он мог бы проигнорировать желания Бянь Жуксюэ и силой увести её; в конце концов, она была всего лишь ребёнком постарше, и как бы она ни сопротивлялась сейчас, полгода пребывания в Павильоне Меча сгладят это со временем.

Но теперь, когда она была готова пойти с ним добровольно, это, естественно, было лучшим исходом.

Такой талант нельзя было задерживать; время было драгоценно.

«Сюээр мягкосердечна, старик, ты должен хорошо защищать её для меня, не позволяя никому обижать её», - сказал Ли Хао Цзянь Удао, успокоив Сюээр.

Цзянь Удао слегка приподнял бровь, услышав, как Ли Хао обратился к нему, но не рассердился, учитывая, что это ребёнок, и равнодушно сказал: «Юноша, не волнуйся. Я буду хорошо заботиться о Сюээр. Рядом со мной никто в этом мире не сможет обидеть её!»

«Хорошо», - Ли Хао пристально посмотрел на него, а затем сказал Бянь Жуксюэ: «Сюээр, если кто-нибудь будет обижать тебя в Павильоне Меча, запиши это в маленький блокнот, а я потом отомщу за тебя».

Взрослые отмахнулись от слов ребёнка как от глубокой юношеской привязанности, не воспринимая их всерьёз.

Перед уходом Цзянь Удао сделал паузу и, повернувшись к Хэ Цзяньлань, сказал: «В моем Павильоне Меча есть секретное руководство по культивации тела. Я пришлю кого-нибудь, чтобы он доставил его позже. Поместите его в свою Башню Слушания Дождя, оно должно позволить достичь шестого уровня. Пусть ребёнок попробует».

Хэ Цзяньлань обрадовалась, быстро поблагодарила его, а затем ухватила за надежду: «Неужели Хао Эр действительно не может стать вашим учеником?»

Цзянь Удао ушёл.

Оставив после себя только одну фразу: этому ребёнку повезло, но его судьба мелка.